

**Конвенция против пыток и
других жестоких, бесчеловечных
или унижающих достоинство видов
обращения и наказания**

Distr.: General
22 October 2015
Russian
Original: English

Комитет против пыток

Сообщение № 530/2012

**Решение, принятое Комитетом на его пятьдесят пятой сессии
(27 июля – 14 августа 2015 года)**

<i>Представлено:</i>	Х, Y и их дочь Z (представлены адвокатом Татьяной Тургот)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	заявители
<i>Государство-участник:</i>	Швеция
<i>Дата жалобы:</i>	9 ноября 2012 года (первоначальное представление)
<i>Дата решения:</i>	4 августа 2015 года
<i>Тема сообщения:</i>	депортация в Беларусь
<i>Процедурные вопросы:</i>	необоснованность жалобы
<i>Вопросы существа:</i>	угроза применения пыток по возвращению в страну происхождения
<i>Статьи Конвенции:</i>	3

GE.15-18386 (R) 140416 150416

* 1 5 1 8 3 8 6 *

Просьба отправить на вторичную переработку

Приложение

Решение Комитета против пыток в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (пятьдесят пятая сессия)

относительно

Сообщения № 530/2012*

<i>Представлено:</i>	Х, Y и их дочь Z (представлены адвокатом Татьяной Тургот)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	заявители
<i>Государство-участник:</i>	Швеция
<i>Дата сообщения:</i>	9 ноября 2012 года (первоначальное представление)

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 4 августа 2015 года,

завершив рассмотрение жалобы № 530/2012, представленной ему Х, Y и их дочь Z, в соответствии со статьей 22 Конвенции,

приняв во внимание всю представленную ему заявителями, их адвокатом и государством-участником информацию,

принимает следующее:

Решение в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции

1.1 Заявителями являются граждане Беларуси г-н Х (первый заявитель) и его жена г-жа Y (второй заявитель) 1978 и 1973 года рождения соответственно. Они представляют жалобу от своего имени и от имени их дочери Z, которая также является гражданкой Беларуси 2011 года рождения. Они намеривались получить убежище в Швеции, их просьба была отклонена, и им угрожает опасность высылки в Беларусь. Они утверждают, что их высылка Швецией в Беларусь будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции против пыток. Заявители представлены адвокатом.

1.2 26 ноября 2012 года Комитет, действуя через своего Докладчика по новым жалобам и временным мерам, отклонил просьбу заявителей о применении

* В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: Эссадия Бельмир, Алессио Бруни, Сатьябхусун Гупт Дома, Фелис Гаер, Абдулае Гайе, Клаудио Гроссман, Йенс Модвиг, Сапана Прадхан-Малла, Георгий Тугуши и Кенин Чжан.

временных мер. 8 февраля 2013 года заявители вновь подали прошение о применении временных мер, представив новые аргументы и документы. 14 февраля после рассмотрения дела Комитет, действуя через своего Докладчика по новым жалобам и временным мерам, подтвердил свое решение не направлять просьбу о применении временных мер по данному делу.

Факты в изложении заявителей

2.1 Заявители занимались политической деятельностью в Беларуси. Они составляли и раздавали листовки, а также распространяли информацию и личные мнения о политическом положении в Беларуси, в том числе через Интернет. 17 марта 2004 года первый заявитель подал прошение о предоставлении убежища в Швеции, предъявив поддельные удостоверяющие его личность документы. Его ходатайство было отклонено, и он был возвращен в Беларусь¹.

2.2 В 2006 году заявители участвовали в демонстрации в знак протеста против существующего режима. Они были арестованы, и второй заявитель была подвергнута пыткам в полиции. Полицейские использовали утюг, чтобы заставить ее сознаться в том, что кандидат в президенты г-н Козулин оплачивал ее участие в демонстрации. В результате такого обращения она была переведена в больницу. Первого заявителя обвинили в нарушении общественного порядка и оштрафовали. В 2006–2009 годах первый заявитель получал по телефону угрозы из минской полиции. Однако даже после этого второй заявитель участвовала в нескольких демонстрациях, но не арестовывалась полицией. С ноября 2009 года по февраль 2010 года заявители проводили работу по организации демонстрации в ноябре 2010 года накануне президентских выборов, проходивших 19 декабря 2010 года.

2.3 В марте 2010 года заявители выехали из Беларуси вместе со своей дочерью. Они въехали в Швецию по годовым туристическим визам. Почти через год, т.е. в 2011 году, они подали прошения об убежище. В ноябре 2010 года во время посещения их семьи в Швеции родителями первого заявителя, он передал им письменную заявку на организацию в Беларуси демонстрации в декабре 2010 года. По возвращению в Беларусь его мать и приемный отец, состоявшие в Объединенной гражданской партии, передали его заявку белорусским властям. После этого они приняли участие в демонстрации 19 декабря 2010 года и были арестованы белорусскими властями. Во время допросов следователь, которому было известно о прошлой деятельности первого заявителя, оказывал давление на мать и приемного отца заявителя в попытке заставить их сообщить о местонахождении заявителей, и они назвали следователю номер телефона первого заявителя в Швеции. Следователь сообщил, что против заявителей возбуждено уголовное дело за организацию общественных беспорядков и что по возвращению в Беларусь они будут арестованы. С этого момента заявители начали получать из минской полиции звонки с угрозами².

¹ В последующем представлении от 8 февраля 2013 года заявители уточнили, что первый заявитель ранее занимался в Беларуси коммерческой деятельностью в качестве предпринимателя, однако его фирма была закрыта белорусскими властями, а он был привлечен к ответственности за неуплату налогов. Однако на время выезда из Беларуси у него не было задолженностей по налогам. По мнению заявителей, это свидетельствует о том, что первому заявителю угрожает определенная опасность судебного преследования, формально, за его прошлую экономическую деятельность, но на самом деле за его политическую работу.

² В своем дополнительном представлении от 8 февраля 2013 года заявители утверждали, что во время телефонных звонков полицейские не раскрывали причину

2.4 16 июня 2011 года заявители подали в Миграционный совет Швеции ходатайство о предоставлении убежища. Во время собеседования второй заявитель указала, что в 2006 году она стала жертвой пыток и продемонстрировала их следы на своем теле. Было запротоколировано, что второй заявитель стала жертвой надругательств со стороны полиции. Она также сослалась на медицинское заключение шведского врача, в котором, в частности, было указано, что ее раны могли быть нанесены таким образом, как она это описывала. 9 сентября 2011 года Миграционный совет отклонил ходатайство о предоставлении убежища и постановил депортировать заявителей. Совет указал, что ложная информация о его личности, которую представил первый заявитель при подаче ходатайства о предоставлении убежища в 2004 году, сказала на доверии к нему и второму заявителю. Кроме того, сообщенные первым заявителем сведения о его политической деятельности носили неконкретный характер и с трудом поддавались толкованию. Представляется странным, что он не представил никаких сведений о своей политической деятельности при рассмотрении его первого прошения об убежище. Семья могла свободно перемещаться, и власти не проявляли никакой заинтересованности в пресечении ее передвижений. Политическая деятельность заявителей была не настолько активной, чтобы привлечь к себе внимание властей. Отсутствие письменных документов, недостаточный уровень доверия к заявителям, а также тот факт, что во время наиболее важных демонстраций в 2010 году (в контексте президентских выборов) они находились в Швеции – все это означает, что заявители не доказали правдоподобность своей потребности в защите. Миграционный совет квалифицировал обращение, которому якобы подверглась второй заявитель со стороны минской полиции в 2006 году, как посягательство со стороны полиции. Миграционный совет не использовал слово «пытки».

2.5 В неустановленную дату решение Миграционного совета было обжаловано в Миграционном суде. 20 апреля 2012 года Миграционный суд отклонил апелляционную жалобу заявителей, отметив, в частности, что заявители получили две повестки о явке для допроса в минскую полицию, в которых указывалось, что в случае неявки им грозит штраф или тюремное заключение. Тот факт, что причина вызова не была указана, Суд истолковал как свидетельство того, что заявители не нуждались в защите. Миграционный суд также квалифицировал обращение, от которого в 2006 году пострадала второй заявитель, как посягательство со стороны полиции, а не как пытки. Заявители подали в Апелляционный суд по миграционным делам апелляционную жалобу. Однако 8 июня 2012 года он признал, что данное дело не представляет такого интереса, и отклонил ходатайство о пересмотре.

2.6 В неустановленную дату заявители обратились в Миграционный совет с ходатайством о пересмотре их дела по вновь открывшимся обстоятельствам. Второй заявитель утверждала, что ее ходатайство о предоставлении убежища рассматривалось с точки зрения предполагаемых надругательств, от которых она пострадала, а не на основе того, что ее якобы пытали. Она не могла прочитать протокол собеседования, поскольку он был написан на шведском языке. Она полагалась на шведские власти и считала, что они проанализировали ее утверждения о пытках. Заявители также отмечали, что получили несколько новых телефонных звонков из минской полиции и сослались на общее положение в Беларуси в части, касающейся нарушения полицией прав человека. 8 сентября 2012 года Миграционный совет отклонил их ходатайство на том основании, что

преследований, однако такие приглашения для беседы в отделение полиции широко практикуются в Беларуси и зачастую заканчиваются взятием под стражу.

во внимание могут быть приняты только новые обстоятельства. Совет полагал, что представленные ему элементы уже были приняты во внимание во время предыдущего разбирательства. В то же время Миграционный совет отметил, что в ходе первого раунда разбирательства не было представлено информации о предполагаемых пытках первого заявителя. При отсутствии новых обстоятельств Совет не нашел причины для пересмотра ходатайства о предоставлении убежища.

2.7 В неустановленную дату заявители подали новое ходатайство в Миграционный совет с просьбой пересмотреть их дело по вновь открывшимся обстоятельствам, в основу которого было положено заключение судебной экспертизы от 8 октября 2012 года. Согласно этому заключению, которое было подготовлено криминалистом Кризисно-травматологического центра профессором Е.Е., во время медицинского осмотра второго заявителя были выявлены признаки, подтверждающие применение пыток таким образом, который соответствовал показаниям заявителя. Второй заявитель настаивала, что в 2006 году сотрудник полиции вынуждал ее подписать заявление, которое дискредитировало бывшего кандидата в президенты г-на Козулина и подтверждало, что она получила плату за участие в демонстрации против существующего режима. Когда она отказалась подписать такое заявление, сотрудник полиции избил ее и прикладывал к ее животу раскаленный утюг. Когда в конечном итоге она подписала признание, ее перевели в больницу, поскольку нанесенные ей раны были опасны для жизни. Миграционный совет 1 ноября 2012 года отклонил ходатайство. Он полагал, что не были заявлены новые обстоятельства. По поводу заключения криминалиста Совет заявил, что оно не содержит новых элементов, поскольку медицинское заключение с перечислением этих же фактов уже было представлено заявителями в 2011 году. Кроме того, Миграционный суд расценил утверждения заявителей как недостаточно достоверные. Суд признал, что заявители не проявляли такой повышенной политической активности, которая бы оправдывала предполагаемый интерес властей к заявителям. Они также не доказали вероятность того, что их разыскивали власти и что поэтому им угрожала опасность преследования или наказания.

Жалоба

3. Заявители утверждают, что в результате их депортации в Беларусь Швеция нарушила бы их права по статье 3 Конвенции против пыток. Они заявляют, что распространяли информацию о политическом положении в Беларуси посредством раздачи листовок, устных заявлений и использования Интернета. Они участвовали в нескольких оппозиционных демонстрациях и во время одной из таких демонстраций были арестованы, а второй заявитель подверглась пыткам. Заявители выступили с призывом к проведению антиправительственной протестной демонстрации перед президентскими выборами 2010 года и запросили разрешение на участие в таких протестах. Кроме того, они утверждали, что белорусская полиция подвергает их постоянным преследованиям, в частности проводит обыски в их доме, посылает угрозы по телефону и вызывает в минскую полицию. С учетом наличия постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека в Беларуси заявители настаивают на существовании предсказуемой, реальной и личной угрозы применения по отношению к ним пыток в случае их высылки в Беларусь³.

³ В обоснование своего утверждения заявители также ссылаются на различные международные доклады, в частности, на доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека о положении в области прав человека в

Замечания государства-участника по вопросу о приемлемости и по существу сообщения

4.1 24 мая 2013 года государство-участник представило свои замечания по вопросу о приемлемости и по существу сообщения. Оно напоминает факты по данному делу и отмечает, что первый заявитель первый раз прибыл в Швецию в марте 2004 года и подал ходатайство о предоставлении убежища после того, как был пойман полицией. Он не имел никаких удостоверяющих личность документов и сообщил чужое имя, ложную информацию о своей биографии и о причинах подачи ходатайства о предоставлении убежища, которая при рассмотрении его ходатайства была признана недостоверной⁴. По сведениям государства-участника, он, в частности, заявил, что ему еще не было 18 лет и что он никогда не занимался в Беларуси политической деятельностью. Миграционный совет отклонил его ходатайство о предоставлении убежища и принял решение о его высылке в Беларусь, которая была произведена 14 мая 2005 года. Впоследствии первый и второй заявители посетили Швецию в 2009 году по визе, действовавшей с 20 августа 2009 года по 20 февраля 2010 года. Они покинули Швецию в ноябре 2009 года и вернулись в феврале 2010 года по визе, которая действовала с 25 февраля 2010 года по 25 февраля 2011 года.

4.2 Государство-участник далее отметило, что в соответствии с подпунктом а) пункта 5 статьи 22 Конвенции Комитет не рассматривает никакие сообщения, если он не убедится в том, что этот вопрос не разбирался и не разбирается по другой процедуре международного расследования или урегулирования, и отмечает, что ему неизвестно о том, разбиралось ли или разбирается настоящее дело по какой-либо другой процедуре расследования или урегулирования. Государство-участник признает, что все доступные внутренние средства правовой защиты в данном случае были исчерпаны, как этого требует подпункт б) пункта 5 статьи 22 Конвенции.

4.3 Государство-участник далее заявляет, что утверждение заявителей о том, что им угрожает опасность обращения, равнозначного нарушению статьи 3 Конвенции, в случае возвращения в Беларусь, не подкреплялось минимальными обоснованиями, которые требуются для целей приемлемости. По мнению государства-участника, настоящее сообщение является явно необоснованным и соответственно неприемлемым согласно пункту 2 статьи 22 Конвенции и пункту б) правила 107 правил процедуры Комитета⁵. Если Комитет признает его неприемлемым, перед Комитетом будет стоять вопрос о том, станет ли принудительное возвращение заявителя в Беларусь нарушением обязательства Швеции по статье 3 Конвенции не высылать и не возвращать лицо в другое государство, в отношении которого имеется существенное основание полагать, что ему или ей будет угрожать опасность применения пыток.

Беларуси от 10 апреля 2012 года (A/HRC/20/8), а также на доклад Парламентской ассамблеи Совета Европы о положении в Беларуси от 9 января 2012 года, в котором указывается, что положение в области прав человека в Беларуси значительно ухудшилось после президентских выборов.

⁴ Во время разбирательств в 2011–2013 годах в связи с ходатайствами заявителей о предоставлении убежища в части, касающейся ложной информации, которая была представлена в ходе разбирательства в 2004 году, первый заявитель указал в качестве причины свои планы возвращения в Беларусь для борьбы с существующим в то время режимом. Он утверждал, что сообщил ложную информацию, поскольку хотел остаться в Швеции на ограниченное время, а затем вернуться.

⁵ Государство-участник ссылается на сообщение № 216/2002, *X.I.A. против Швеции*, решение от 2 мая 2003 года, пункт 6.2

4.4 Государство-участник отмечает, что при решении вопроса о том, будет ли принудительное возвращение лица в другую страну являться нарушением статьи 3, Комитет должен принимать во внимание все соответствующие соображения, включая существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека в этой стране. Однако Комитет неоднократно подчеркивал, что цель такого определения состоит в решении вопроса о том, будет ли угрожать данному лицу лично опасность применения пыток в стране, в которую он будет возвращен. Существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека само по себе не является достаточным основанием для определения того, что данному конкретному лицу будет угрожать опасность применения пыток в этой стране. Для установления факта нарушения статьи 3 должны существовать дополнительные основания, свидетельствующие о том, что лично данному лицу будет угрожать такая опасность⁶.

4.5 В этой связи государство-участник отмечает, что при определении вопроса о том, будет ли принудительное возвращение заявителя в Беларусь являться нарушением статьи 3 Конвенции, следует принимать во внимание следующие соображения: а) общее положение в Беларуси в области прав человека и, в частности, б) наличие опасности того, что заявители подвергнутся в этой стране пыткам.

4.6 Кроме того, государство-участник ссылается на правовую практику Комитета, согласно которой бремя доказывания по аналогичным делам возлагается на заявителей, которые должны представить аргументированное дело и доказать, что им угрожает прогнозируемая, реальная и личная опасность применения пыток⁷. Кроме того, опасность применения пыток должна оцениваться на основаниях, выходящих за пределы умозаключений или подозрений. Хотя сама по себе опасность не должна являться весьма вероятной, она должна носить личный и реальный характер⁸.

4.7 По поводу общего положения в Беларуси в области прав человека государство-участник отмечает, что с учетом того, что Беларусь является стороной в Конвенции, а также в Международном пакте о гражданских и политических правах, оно исходит из того, что Комитету хорошо известно об общем положении в области прав человека в этой стране, включая положение политических оппонентов после президентских выборов в декабре 2010 года. В этой связи государство-участник считает достаточным сослаться на информацию о положении в области прав человека в Беларуси, с которой можно ознакомиться в последних докладах, в частности, в докладе Министра иностранных дел Швеции⁹ и в страновом докладе Государственного департамента Соединенных Штатов Америки о практике в области прав человека в Беларуси за 2012 год¹⁰.

⁶ Государство-участник ссылается на сообщения № 150/1999, *С.Л. против Швеции*, Соображения от 11 мая 2001 года, пункт 6.3, и № 213/2002, *Е.Й.В.М. против Швеции*, решение от 14 ноября 2003 года, пункт 8.3.

⁷ См., например, сообщения № 178/2001, *Х.О. против Швеции*, Соображения от 13 ноября 2001 года, пункт 13, и № 203/2002, *А.Р. против Нидерландов*, решение от 14 ноября 2003 года, пункт 7.3.

⁸ См., например, Замечание общего порядка Комитета № 1 (1997) об осуществлении статьи 3 Конвенции, пункты 5–7.

⁹ Имеется только на шведском языке по адресу www.manskligarattigheter.se/sv/manskliga-rattigheter-i-varlden/ud-s-rapporter-om-manskliga-rattigheter/europa-och-centralasien?c=Vitryssland.

¹⁰ Имеется по адресу www.state.gov/j/drl/rls/hrrpt/2012humanrightsreport/index.htm?year=2012&dldid=204263#wrapper.

4.8 Государство-участник утверждает, что, не допуская недооценки обеспокоенностей, которые на законных основаниях могут быть выражены в отношении текущего положения в области прав человека в Беларуси, в частности положения политических оппонентов, такие обеспокоенности сами по себе недостаточны для определения того, что высылка заявителей будет иметь своим следствием нарушение статьи 3 Конвенции. В этой связи государство-участник полагает, что высылка заявителей в Беларусь повлечет за собой нарушение Конвенции только в том случае, если не продемонстрирует, что им будет угрожать личная опасность применения такого обращения, которое противоречит статье 3. Однако в данном случае заявители не обосновали свои утверждения о том, что ему будут угрожать такие опасности.

4.9 Государство-участник добавляет, что некоторые положения шведского закона об иностранцах отражают те же самые принципы, которые заложены в статье 3 Конвенции. Так, шведские миграционные власти применяют одинаковые критерии при рассмотрении ходатайств о предоставлении убежища в соответствии с законом об иностранцах, как и те критерии, которые применяет Комитет при изучении последующих жалоб, подаваемых в соответствии с Конвенцией. Тот факт, что такие критерии применяются в данном деле, отмечается шведскими властями в их решениях в виде ссылок на настоящее дело в разделах 1, 2 и 2 а) главы 4 закона об иностранцах. Кроме того, по поводу просьб заявителей о пересмотре их ходатайств на предоставление видов на жительство согласно разделам 1–3 главы 12 закона об иностранцах, которые принимались во внимание, высылка никогда не может производиться в страну, в отношении которой имеются разумные основания полагать, что иностранцу будет угрожать опасность, в частности применения пыток или другого бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, либо в страну, в которой иностранец не защищен от высылки в страну, в которой ему будет угрожать такая опасность.

4.10 Государство-участник добавляет, что национальные власти располагают благоприятными возможностями для оценки информации, представленной просителями убежища и для анализа достоверности их утверждений. В данном случае Миграционный совет и Миграционный суд тщательно изучили дело заявителей. Когда они подали прошение об убежище, Миграционный совет провел индивидуальные беседы с обоими из них. Такая беседа с первым заявителем продолжалась почти пять часов и почти два часа со вторым заявителем. Цель таких бесед состояла в предоставлении заявителям возможности объяснить причины их потребности в защите, а также пояснить все факты, которые имеют значение для оценки Миграционным советом. Обе беседы проводились в присутствии устного переводчика, которого, по утверждению заявителей, они хорошо понимали. Кроме того, заявители в письменной форме обосновали свое дело в Миграционном совете и в миграционных судах. В рамках всех разбирательств в связи с первоначальным ходатайством заявителей в предоставлении убежища, они были представлены государственным адвокатом. Поскольку решение о высылке заявителей получило юридическую силу, Миграционный совет четыре раза рассматривал новые обстоятельства, на которые ссылались заявители. В одном из этих случаев решение Миграционного совета было обжаловано, однако Миграционный суд не отменил его. В этих условиях государство-участник считает необходимым признать, что Миграционный совет и миграционные суды обладали достаточной информацией, а также фактами и документами по делу для обеспечения того, чтобы они располагали надежной основой для осуществления осознанного транспарентного и разумного анализа риска в контексте потребностей заявителей в получении защиты в Швеции.

4.11 В этой связи государство-участник напоминает замечания общего порядка Комитета № 1 (1997) об осуществлении статьи 3 Конвенции, а также на свою правовую практику, в которой он заявил, что Комитет не является апелляционным квазисудебным или административным органом, и что он будет основываться на заключениях на основе фактов, сделанных органами соответствующего государства-участника¹¹. Кроме того, Комитет считал, что именно суды государств-участников Конвенции, а не Комитет должны оценивать факты и доказательства по конкретному делу, если только не будет установлено, что такие факты и доказательства были оценены явно произвольно или представляли собой отказ в правосудии¹².

4.12 Государство-участник считает, что в свете вышесказанного и с учетом того, что Миграционный совет и миграционные суды являются специализированными органами, обладающими специальными знаниями в области законодательства и практики предоставления убежища, отсутствуют какие-либо причины для вывода о том, что национальные нормы являются не адекватными или о том, что результат внутренних процедур носил произвольный характер, либо был эквивалентен отказу в правосудии по данному делу. Государство-участник считает, что следует опираться на мнения шведских миграционных властей, выраженные в их постановлениях о высылке заявителей в Беларусь.

4.13 Кроме того, государство-участник отмечает, что заявители сообщали Комитету о том, что их высылка в Беларусь будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции, поскольку по возвращению им будет угрожать опасность применения пыток за их политическую деятельность в Беларуси.

4.14 В связи с этим государство-участник, равно как и его миграционные органы, усматривает ряд аспектов, которые дают основание поставить под сомнение общее доверие к заявителям. Во-первых, государство-участник считает целесообразным отметить, что первый заявитель сообщил ложную фамилию и ложную информацию о причинах подачи прошения об убежище в 2014 году, которое он не смог убедительно объяснить. Его утверждение о том, что он планировал оставаться в Швеции только временно и что он сообщил ложную информацию постольку поскольку позднее он будет выслан, не вызывает доверия, особенно с учетом его отказа вернуться после того, как его ходатайство о предоставлении убежища было отклонено. Во-вторых, заявители подали прошение об убежище по прошествии более года после их прибытия в Швецию. Кроме того, в период с 2006 по 2009 год заявители ездили в Беларусь и обратно по своим собственным паспортам и также могли получить новые паспорта, а также визы иностранных государств, не привлекая внимания белорусских властей. В-третьих, представленные заявителями сведения об их политической деятельности с 1996 по 2009 год носили неопределенный и непоследовательный характер, а в их высказываниях не хватало конкретики. Государство-участник считает, что существуют серьезные основания сомневаться в достоверности утверждений по поводу политической деятельности заявителей в Беларуси, а также в том, что власти проявляют к ним какой-либо интерес.

4.15 Государство-участник поясняет, что наряду со своими Миграционными властями оно не ставит под сомнение утверждение заявителя о том, что они

¹¹ См. Замечание общего порядка Комитета № 1, пункт 9, и, например, сообщение № 277/2005, *Н.З.С. против Швеции*, решение от 22 ноября 2006 года, пункт 8.6.

¹² См., например, сообщение № 219/2002, *Дж.К. против Швейцарии*, решение от 7 мая 2003 года, пункт 6.12.

были арестованы белорусскими властями в ходе демонстрации в 2006 году и в этой связи стали жертвой надругательств. Признавая обеспокоенности, которые заявители могут на законных основаниях выражать в отношении того обращения, которому они подвергались в прошлом, государство-участник отмечает, что они не сообщили о том, что с тех пор они подвергались обращению, определение которого содержится в статье 1 Конвенции. Это имеет значение для оценки того, будет ли высылка заявителей противоречить статье 3 Конвенции, поскольку Комитет в пункте 8 b) своего замечания общего порядка № 1 отмечает, что информация, которая признается важной с точки зрения опасности применения пыток, включает, в частности, данные о том, подвергался ли заявитель пыткам в прошлом, и если подвергался, то происходило ли это в недавнем прошлом¹³. В данном случае заявители подвергались такому обращению семь лет назад, т.е. не в недавнем прошлом.

4.16 Кроме того, относительно утверждения заявителей о том, что второй заявитель не располагала возможностью прочитать и проверить протоколы собеседования с ней в Миграционном совете, в результате чего власти якобы не знали о том, что в 2006 году она стала жертвой пыток, государство-участник поддерживает мнение Миграционного совета о том, что второй заявитель имела возможность изложить соответствующие факты и что поэтому ее утверждения являются недостаточно правдивыми. Протоколы собеседования свидетельствуют о том, что заявитель подтвердила, что она понимала переводчика, и она также подтвердила, что имела возможность высказать все, что она считала нужным. Общественный адвокат присутствовал в течение всего собеседования. Государство-участник отмечает, что миграционные власти не выразили сомнения в том, что заявитель стала жертвой надругательств в связи с демонстрацией 2006 года и сделали соответствующие оценки.

4.17 Заявители также утверждают, что они продолжали свою политическую деятельность после инцидентов в 2006 году и что они зачастую получали по телефону угрозы от белорусской полиции с целью помешать им поддерживать связь с властями в связи с упомянутыми инцидентами. Государство-участник считает, что представленные заявителями сведения об их политической деятельности носят неопределенный и общий характер и не свидетельствуют о наличии оснований для вывода о том, что белорусские власти проявляли к ним какой-либо интерес с 2006 по 2009 год, когда первый и второй заявители впервые прибыли в Швецию вместе. Заявители не смогли представить какие-либо доказательства, подтверждающие их утверждения. Далее государство-участник отмечает, что в своем представлении в Комитет заявители утверждали, что второй заявитель участвовала в нескольких демонстрациях после 2006 года и не подвергалась арестам или иным преследованиям со стороны полиции. Кроме того, они имели возможность неоднократно въезжать в Беларусь и выезжать из этой страны в соответствующий период.

4.18 Помимо этого, заявитель утверждает, что их политическая деятельность в Швеции после 2009 года вызвала у белорусских властей интерес к ним, и поэтому им угрожает опасность применения пыток в случае возвращения. Они считают, что во время их пребывания в Швеции они, в частности, подали в Беларуси заявление с просьбой предоставить им решение на организацию демонстрации в день президентских выборов в Беларуси 19 декабря 2010 года. Они также утверждали, что подавали жалобы различным белорусским властям и распространяли через Интернет пропаганду против существующего режима.

¹³ См., например, сообщение № 203/2002, *А.Р. против Нидерландов*, пункт 7.3.

Заявление по поводу демонстрации якобы было подписано первый заявителем, а впоследствии передано белорусским властям его матерью и приемным отцом. Последние двое предположительно участвовали в демонстрации и в течение двух месяцев задерживались в начале 2011 года. Против матери и приемного отца первого заявителя были выдвинуты уголовные обвинения за организацию этой демонстрации и участие в ней. После освобождения мать и приемный отец предположительно сообщили заявителям о том, что их также обвиняют в этих же правонарушениях. Заявители также утверждали, что белорусские власти обыскивали их дом и звонили им с угрозами по телефону в связи с их участием в демонстрации 19 декабря 2010 года.

4.19 Государство-участник отмечает, что миграционные власти проанализировали эти утверждения и пришли к выводу о том, что они недостаточно достоверны. Власти сочли интересным тот факт, что кто-либо может просить о предоставлении разрешения на организацию демонстрации в Беларуси, находясь в это время в Швеции, без намерения личного участия в ней. Не имеется каких-либо документов или иных доказательств того, что заявители подавали какие-либо заявления или жалобы, либо распространяли информацию, которая имела жизненно-важное значение для существовавшего режима через Интернет. Помимо этого, миграционные власти сочли неубедительным утверждение о том, что белорусские власти обвинили их в участии в демонстрации 19 декабря 2010 года, поскольку заявители выехали из Беларуси на законных основаниях, и власти должны были знать о том, что они в тот момент уже находились за пределами страны. Государство-участник поддерживает позицию миграционных властей и указывает, что в соответствии с применением принципа бремени доказывания в контексте дел о предоставлении убежища целесообразно предложить заявителю представить соответствующую информацию, сообщить правдивые сведения и помочь расследователям уточнить все факты по данному конкретному делу¹⁴. Государство-участник считает, что только при выполнении этих условий сомнения могут быть истолкованы в пользу просителей убежища.

4.20 В этой связи государство-участник ссылается на информацию, содержащуюся в сообщениях о демонстрациях 19 декабря 2010 года (см. пункт 4.7 выше) и, в частности, на информацию об ответных действиях белорусских властей на демонстрацию в ходе выборов, которая содержится в докладе организации «Хьюман Райтс Уотч» «Обзор по Беларуси свидетельствует о массовых надругательствах над протестантами»¹⁵. С учетом этой информации утверждение заявителей о том, что они будут представлять интерес для властей, поскольку они обратились с просьбой о предоставлении разрешения на проведение демонстрации, является недостаточно достоверным. Государство-участник отмечает, что у него складывается впечатление о том, что данная демонстрация началась мирно и что власти вмешались лишь тогда, когда были объявлены результаты выборов и начались беспорядки.

4.21 Относительно утверждения заявителей по поводу политической деятельности матери и приемного отца заявителя государство-участник отмечает, что заявители не представили никаких доказательств в подтверждение утверждений о том, что они вели активную политическую деятельность, участвовали в демонстрации 19 декабря 2010 года либо задерживались властями. Государство-

¹⁴ См. статью 195 и пункт а) статьи 205 Руководства о процедурах и критериях определения статуса беженцев в соответствии с Конвенцией 1951 года и Протоколом о статусе беженцев 1967 года.

¹⁵ Имеется по адресу www.hrw.org/print/news/2011/02/09/belarus-survey-shows-massive-abuses-protesters.

участник не ставит под сомнение утверждения о том, что мать и приемный отец заявителя были членами Объединенной гражданской партии, однако полагает, что это не доказывает тот факт, что они подвергались преследованиям или жестокому обращению со стороны властей, особенно в силу того, что Объединенная гражданская партия является легальной. Кроме того, ни мать и приемный отец, ни сами заявители не фигурируют в списке арестованных, подозреваемых или обвиняемых в преступлениях в связи с событиями 19 декабря 2010 года¹⁶.

4.22 Кроме того, государство-участник разделяет мнение миграционных властей о том, что представленные заявителями документы имеют незначительную доказательную силу. Партийные билеты матери и приемного отца носят обычный характер, и членство в партии само по себе в любом случае не доказывает, что они представляли интерес для властей или подвергались обращению в нарушение Конвенции. К тому же документы, в которых говорится, что заявителей вызывали в минскую полицию для допроса, не доказывают, что их обвиняли в каких-либо преступлениях в связи с демонстрацией или их политической деятельностью.

4.23 Государство-участник полагает, что заявители не представили никаких документов и доказательств, свидетельствующих о том, что их разыскивают белорусские власти или что в отношении их возбуждено какое-то судебное или административное разбирательство в связи с их политической деятельностью. Они не являются членами какой-либо политической партии и не продемонстрировали, что власти проявляют к ним какой-либо интерес и к их предполагаемой политической деятельности. Государство-участник, таким образом, считает, что заявители не обосновали свое утверждение о том, что им угрожает опасность обращения, противоречащего статье 3 Конвенции в связи с их политической деятельностью.

4.24 Государство-участник отмечает, что в последующем представлении в Комитет заявители, среди прочего, указывают, что первый заявитель ранее занимался предпринимательской деятельностью в качестве предпринимателя в Беларуси, что его компания была закрыта местными властями, и что он привлекался к ответственности из-за задолженности по уплате налогов, хотя при выезде из Беларуси не погашенной задолженности у него не было. Заявитель утверждает, что это свидетельствует о том, что по-прежнему существует опасность того, что первый заявитель может подвергнуться преследованиям формально за его предыдущую экономическую деятельность, а на самом деле за его политическую деятельность. В этой связи заявители представили справку с указанием о том, что 11 декабря 2008 года первый заявитель зарегистрировал частную компанию, а также вызов в суд 18 июля 2011 года с предложением представить квитанцию об оплате или аналогичный документ, подтверждающий выплату (дальнейшие подробности не представлены). Насколько известно государству-участнику, заявители не представили второй документ при разбирательстве в шведских миграционных органах.

4.25 В связи с вышесказанным государство-участник отмечает, что заявители не представили никаких письменных документов в подтверждение своего утверждения о том, что первый заявитель привлекался к ответственности. Государство-участник полагает, что заявители не обосновали утверждение о том, что первому заявителю угрожает опасность обращения, которое противоречит статье 3 Конвенции, за его предпринимательскую деятельность. Оно также под-

¹⁶ См. подборку центра по правам человека «Весна», имеющуюся по адресу <http://spring96.org/en/news/41575>.

черкивает, что они не обосновали свое утверждение о том, что им угрожает опасность обращения, которое противоречит статье 3 Конвенции, в связи с их политической деятельностью, и их последнее представление в Комитет не влияет на такую оценку.

4.26 Подводя итоги, государство-участник считает, что настоящее сообщение следует объявить неприемлемым как явно необоснованное в соответствии с пунктом 2 статьи 22 Конвенции и пунктом b) правила 113 правил процедуры Комитета либо в альтернативном случае объявить, что настоящее сообщение не свидетельствует о каком-либо нарушении Конвенции по существу.

Комментарии заявителей по замечаниям государства-участника по приемлемости и существу сообщения

5.1 В ответ на замечания государства-участника 25 июля 2013 года заявители впервые сообщили, что второй заявитель имеет возможность представить новую информацию о ее уголовном деле Беларуси, в частности о том, что она в настоящее время может предоставить материалы, свидетельствующие о том, что она находится под следствием в связи с серьезным правонарушением, связанным с оружием. Заявители представили копию заявления находящегося в Беларуси адвоката второго заявителя. Они также указывают, что не смогли получить этот документ ранее, поскольку при отсутствии второго заявителя в Беларуси, единственная возможность заключения договора с адвокатом – в соответствии с абсолютным требованием процессуального законодательства Беларуси адвокат должен иметь возможность официально представлять клиента – могла быть реализована только через третье лицо. Никто не проявлял желание взять на себя эту работу и заключить договор с адвокатом. Кроме того, второй заявитель опасалась того, что ее проживающий в Минске сын подвергнется преследованиям, если адвокат примет участие в разбирательстве ее дела. С учетом этих обстоятельств и доказательств заявители подали новое представление в Миграционный совет. Второй заявитель считает, что настоящее сообщение является приемлемым, поскольку утверждения заявителей обеспечивают минимальный уровень обоснованности, необходимый для целей признания его приемлемости. К тому же представленные новые материалы подтверждают, что она все еще представляет интерес для белорусских властей и ей лично угрожает опасность применения пыток в случае возвращения в Беларусь. Из письма ее адвоката в Беларуси явствует, что в Беларуси ей грозит длительное тюремное заключение. Имеются существенные основания полагать, что она также находится под угрозой применения пыток, в частности, поскольку ей предъявлено обвинение в совершении преступления, которое она не совершала. Ее уголовное дело носит политически мотивированный характер, и ранее она подвергалась пыткам.

5.2 По поводу существа сообщения второй заявитель повторяет свое утверждение о том, что в 2006 году ее пытали сотрудники белорусской полиции, что подтверждается медицинским заключением, которое было представлено Комитету. Второй заявитель утверждает, что во время своего собеседования в Миграционном совете она сделала по этому поводу четкое заявление, однако оно не было включено в протокол, который вел сотрудник Миграционного совета. Вместо пыток в протоколе было указано, что она стала жертвой злоупотреблений. В силу этого второй заявитель утверждает, что Миграционный совет не принял во внимание тот факт, что она подвергалась пыткам. Она считает, что Комитет должен дать оценку тому факту, что она стала жертвой всего лишь злоупотреблений, а не пыток, и что ее утверждения о пытках не являются достаточно достоверными и противоречат оценке государства-участника. Она счита-

ет, что вследствие представления медицинского заключения о том, что она подвергалась пыткам, которое было проигнорировано Миграционным советом, она выполнила необходимые требования в отношении бремени доказывания.

5.3 Кроме того, заявители оспаривают довод государства-участника об отсутствии существующей или личной угрозы того, что они подвергнутся опасности применения пыток, поскольку второй заявитель стала жертвой пыток в 2006 году, а также о том, что опасность того, что это повторится, все еще существует в силу недавней деятельности этой четы. Они утверждают, что минская полиция подозревает их в организации общественных беспорядков после демонстрации 2010 года. Они указывают, что представили полученные из полиции письма в Миграционный совет в подтверждение того, что они представляют интерес для белорусских властей. Миграционный совет не принял во внимание эти письма, так как в них отсутствовали сведения о том, в каком преступлении обвинялся второй заявитель. Заявители утверждают, что в соответствии с существующей во многих странах и, особенно в тоталитарных странах практикой, такие телефонные звонки из полиции не содержат никакой информации о возможных обвинениях. Они далее утверждают, что Миграционный совет полностью проигнорировал все представленные вторым заявителем письменные доказательства.

5.4 Заявители отмечают, что документы, свидетельствующие о том, что второй заявитель находится под следствием в Беларуси в связи с совершением преступления, связанного с оружием, со всей очевидностью свидетельствуют о том, что ей угрожает тюремное заключение на срок до семи лет. К тому же такие заявления в Беларуси могут быть легко переквалифицированы в террористическое преступление.

5.5 В заключение заявители утверждают, что настоящее сообщение и их утверждения являются приемлемыми, хорошо обоснованными и свидетельствуют о том, что их высылка в Беларусь будет представлять собой нарушение Конвенции.

Последующая информация государства-участника

6.1 15 апреля 2014 года государство-участник представило последующую информацию. Оно отмечает, что его краткие разъяснения относительно комментариев заявителей не следует рассматривать как означающие, что государство-участник соглашается с остальной частью комментариев заявителей, которая ранее не рассматривалась.

6.2 Относительно утверждения второго заявителя о том, что она находится под следствием в Беларуси в связи с серьезным правонарушением, связанным с оружием, и что выдвинутое против нее обвинение носит политически мотивированный характер, 17 мая 2013 года заявители сделали представление в Миграционный совет, в котором указывали на существование препятствий для исполнения постановления о высылке и представили два документа на белорусском языке. После их перевода 26 сентября 2013 года Миграционный совет постановил не предоставлять заявителям вида на жительство в соответствии с разделом 18 главы 12 закона об иностранцах или не пересматривать их дело в соответствии с разделом 19 главы 12 закона об иностранцах.

6.3 Это решение было опротестовано в Миграционном суде в части, касающейся раздела 19 главы 12 закона об иностранцах. 5 ноября 2013 года Миграционный суд постановил передать дело в Миграционный совет для оценки подлинности представленных документов. После изучения этих двух указанных

документов Миграционный совет признал, что он не может принять решение о том, были ли эти документы выпущены надлежащим образом. Таким образом, вопрос о том, являются ли эти документы подлинными, остался открытым. Тем не менее Миграционный совет признал, что содержание представленных документов убедительно не свидетельствует о том, что заявителям будет угрожать применение пыток по возвращению в Беларусь.

6.4 Упомянутое решение было опротестовано в Миграционном суде, который 7 января 2014 года отклонил апелляцию. 3 февраля 2014 года апелляционная инстанция Миграционного суда отказала в праве на подачу обжалования. Государство-участник в лице своих миграционных органов считает, что заявители не смогли убедительно продемонстрировать, что они представляют какой-либо интерес для белорусских властей в связи с их политической деятельностью. Кроме того, государство-участник утверждает, что заявители не объяснили, по какой причине белорусские власти предъявили второму заявителю ложное обвинение в совершении преступления именно в этот момент или каким образом заявители получили представленные документы. Государство-участник в этой связи разделяет мнение Миграционного совета и Миграционного суда о том, что в случае если второй заявитель действительно подозревается в правонарушениях, связанных с оружием, заявители не обосновали тот факт, что предъявленные ей предполагаемые обвинения являются чем-либо иным, кроме обычного уголовного расследования.

6.5 В заключение государство-участник подтверждает свою позицию относительно приемлемости и существования жалобы, которая была изложена в замечаниях, представленных 24 мая 2013 года.

Вопросы и их рассмотрение в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

7.1 Прежде чем приступить к рассмотрению любой жалобы, изложенной в сообщении, Комитет должен принять решение, является ли она приемлемой согласно статье 22 Конвенции. В соответствии с подпунктом а) пункта 5 статьи 22 Факультативного протокола Комитет удостоверился, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

7.2 Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что настоящее сообщение является явно необоснованным и соответственно неприемлемым в соответствии с пунктом 2 статьи 22 Конвенции и пунктом б) правила 107 правил процедуры Комитета. Однако Комитет считает, что сообщение было обосновано для целей приемлемости, поскольку заявитель достаточно пояснил факты и обоснования жалобы для принятия Комитетом решений.

7.3 Комитет далее напоминает, что в соответствии с подпунктом б) пункта 5 статьи 22 Конвенции он не рассматривает никакие сообщения от каких-либо лиц, если не убедится в том, что это лицо исчерпало все доступные внутренние средства правовой защиты. Он отмечает, что в настоящем случае государство-участник признало, что заявители исчерпали все доступные внутренние средства правовой защиты. Соответственно Комитет не усматривает более препятствий для признания приемлемости; он объявляет сообщение приемлемым и приступает к его рассмотрению по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

8.1 В соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции Комитет рассмотрел настоящее сообщение в свете всей информации, представленной ему заинтересованными сторонами.

8.2 В настоящем случае Комитету предстоит решить вопрос о том, будет ли принудительное возвращение заявителя в Беларусь представлять нарушение обязательств государства-участника по статье 3 Конвенции не высылать или не возвращать («refouler») лицо в какое-либо другое государство, в отношении которого имеются существенные основания полагать, что ему или ей будет угрожать в нем опасность применения пыток.

8.3 Комитет должен провести оценку того, имеются ли существенные основания полагать, что заявителю будет угрожать личная опасность применения пыток по возвращению в страну происхождения. При оценке такого риска Комитет должен учитывать все соответствующие соображения в соответствии с пунктом 2 статьи 3 Конвенции, включая существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека. Однако Комитет напоминает, что цель такого определения состоит в установлении того, будет ли данному лицу угрожать личная предсказуемая и реальная опасность применения пыток в стране, в которую он или она будет возвращен¹⁷. Из сказанного следует, что существование практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека в стране само по себе не является достаточной причиной для определения того, что конкретному лицу будет угрожать опасность применения пыток по возвращению в эту страну; должны существовать дополнительные основания для подтверждения того, что данному лицу будет угрожать личная опасность¹⁸. В противном случае отсутствие постоянной практики грубых нарушений прав человека не означает, что данное лицо может не подвергнуться применению пыток в его или ее конкретных обстоятельствах¹⁹.

8.4 Комитет напоминает свое замечание общего порядка № 1, согласно которому опасность применения пыток должна оцениваться на основаниях, выходящих за рамки умозрительных построений или подозрений. Хотя такая опасность не должна отвечать критерию «повышенной вероятности»²⁰, Комитет напоминает, что бремя доказывания в целом лежит на заявителе, который должен убедительно изложить аргументы о том, что ему угрожает «предсказуемая, реальная и личная опасность»²¹. В этом отношении Комитет отмечает, что в соответствии с замечанием общего порядка № 1 он опирается на фактические выводы, сделанные органами соответствующего государства-участника, считая, что в то же время он не связан с такими выводами и напротив обладает правом согласно пункту 4 статьи 22 Конвенции свободно оценивать факты на основе всех обстоятельств по каждому делу.

8.5 Заявитель утверждает, что в Беларуси они могут быть подвергнуты пыткам, поскольку имеются существенные основания полагать, что преследования и предполагаемые пытки, жертвой которых стала в прошлом второй заявитель за свою политическую деятельность, а первый заявитель за его предпринимательскую деятельность, будут продолжены. В этой связи Комитет учитывает,

¹⁷ См., среди прочего, сообщение № 519/2012, *Т.М. против Республики Корея*, решение от 21 ноября 2014 года, пункт 9.3.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Замечание общего порядка № 1, пункт 6.

²¹ Там же. См. также сообщение № 203/2002, *А.Р. против Нидерландов*, пункт 7.3.

что заявители представили медицинские документы, свидетельствующие о том, что второй заявитель подвергался злоупотреблениям и жестокому обращению после ее участия в демонстрации в 2006 году.

8.6 Комитет отмечает также, что даже, если согласится с утверждением о том, что заявители подвергались жестокому обращению и/или пыткам в прошлом, вопрос состоит в том, угрожает ли им до сих пор в настоящее время опасность применения пыток в случае возвращения в Беларусь. Комитет считает, что в настоящее время общее положение в области прав человека в Беларуси вызывает обеспокоенность по ряду аспектов, в частности в отношении положения политических оппонентов после президентских выборов в декабре 2010 года. По поводу случаев пыток и полученных под пытками доказательств он напоминает, что он выразил свою обеспокоенность в своих заключительных замечаниях в контексте рассмотрения сообщений, представленных государствами-участниками в соответствии со статьей 19 Конвенции²², в частности относительно многочисленных и последовательных утверждений о многочисленных случаях пыток и жестокого обращения с задержанными в государстве-участнике, а также того факта, что многие лишены свободы лица подвергались пыткам, жестокому обращению и угрозам со стороны сотрудников правоохранительных органов, особенно во время задержания или до предварительного ареста, что подтверждает обеспокоенность, выраженную рядом международных экспертов и органов, в частности Специальным докладчиком по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания, Советом по правам человека (см. резолюцию 17/24), Верховным комиссаром Организации Объединенных Наций по правам человека и Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. Кроме того, Комитет напоминает о своей обеспокоенности сообщениями о нескольких случаях получения признаний в результате пыток и жестокого обращения, а также по поводу отсутствия информации о привлечении к ответственности или наказании кого-либо из должностных лиц за получение таких признательных показаний. Однако Комитет вновь отмечает, что совершение нарушений прав человека в его/ее стране происхождения не является само по себе достаточным основанием для вывода о том, что заявителю будет угрожать личная опасность применения пыток²³.

8.7 Комитет далее отмечает, что компетентные органы государства-участника обратили внимание на ложную информацию, несоответствия и противоречия в информации и представлениях заявителей, которые бросают тень сомнения на доверие к ним в целом и достоверность их утверждений. В частности, первый заявитель сообщил ложную информацию во время проходивших в 2004 году разбирательств его ходатайства об убежище, и в период с 2006 и 2009 год заявители на законных основаниях въезжали в Беларусь и выезжали из этой страны, получили новые паспорта и визы и после своего прибытия в Швецию более года ожидали до подачи ходатайства о предоставлении убежища. К тому же сведения об их политической деятельности с 1996 по 2009 год носят неопределенный и непоследовательный характер; и в представленной ими информации не хватает конкретики.

8.8 Комитет также принимает к сведению, что государство-участник не ставит под сомнение утверждение заявителей о том, что белорусские власти арестовали их во время демонстрации в 2006 году и что они в этой связи подвергали

²² См. заключительные замечания по Беларуси, CAT/C/BLR/CO/4, пункты 10 и 18.

²³ См., в частности, сообщение № 519/2012, *Т.М. против Республики Корея*, решение от 21 ноября 2014 года, пункт 9.7.

лись злоупотреблениям. Однако заявители указали, что они участвовали в нескольких демонстрациях после 2006 года (в период с 2006 по 2009 год) и при этом не подвергались аресту или каким-либо иным преследованиям со стороны полиции. Исходя из этого, заявители не утверждали, что они впоследствии подвергались преследованиям или арестовывались белорусской полицией в недавнем прошлом. Соответственно, имеются основания для сомнений в предполагаемом интересе белорусских властей к заявителям и в их постоянном преследовании спустя многие годы с учетом того, что заявители не участвовали в демонстрации в декабре 2010 года и не являются ни заметными оппозиционными фигурами, ни близкими сторонниками таких оппонентов режима. К тому же заявители не утверждают, что являются членами какой-либо партии.

8.9 Помимо этого, Комитет учитывает утверждение государства-участника о том, что во время собеседования в Миграционном совете второй заявитель имела возможность сообщить все соответствующие факты, а также прочитать и проверить протокол в присутствии общественного адвоката. В связи с этим Комитет отмечает, что миграционные органы не оставили без внимания и не поставили под сомнение тот факт, что она подвергалась злоупотреблениям в связи с демонстрацией 2006 года, и сделали соответствующие оценки.

8.10 Кроме того, Комитет отмечает, что не было представлено доказательств в подтверждение утверждения заявителей, что их политическая деятельность в Беларуси с 2006 по 2009 год, а также в Швеции с 2009 года (например, подача жалоб в различные органы в Беларуси и распространение через Интернет пропагандистских материалов против существующего режима) вызвала у властей интерес к ним, и что они получали угрозы от белорусских властей напрямую или косвенно посредством телефонных звонков из минской полиции в Швецию, а также посредством предполагаемых попыток выяснить местонахождение заявителей и установление их контактных данных со стороны полиции во время допросов матери и приемного отца первого заявителя после их предполагаемого ареста в декабре 2010 года. Комитет также принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что ни мать и приемный отец, ни сами заявители не фигурируют в списке арестованных подозреваемых или обвиняемых в преступлениях лиц в связи с событиями 19 декабря 2010 года²⁴. Как указали шведские миграционные органы во время внутреннего разбирательства, заявители не являются членами какой-либо политической партии и не продемонстрировали, что белорусские власти проявляют какой-либо интерес к их предполагаемой политической деятельности.

8.11 Комитет также принимает к сведению утверждения заявителей о том, что их вызывали для допросов в минскую полицию, что первому заявителю были предъявлены обвинения в уклонении от уплаты налогов в связи с его предыдущей предпринимательской деятельностью, что второму заявителю в настоящее время предъявлено обвинение в совершении в Беларуси серьезного правонарушения, связанного с оружием, и что такие выдвинутые против них обвинения на самом деле имеют политически мотивированный характер. Однако Комитет отмечает, что вызовы в полицию не доказывают, что заявителей обвиняют в каких-либо преступлениях в связи с демонстрацией в декабре 2010 года. Комитет считает, что они не смогли обосновать тот факт, что их вызов в полицию является политически мотивированным.

8.12 В заключение Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что содержание всех представленных документов убедительно

²⁴ Согласно информации, собранной центром по правам человека «Весна».

не показывает, что заявителям будет угрожать опасность применения пыток после возвращения в Беларусь.

8.13 Комитет напоминает свою правовую практику, в соответствии с которой опасность применения пыток должна оцениваться на основаниях помимо чисто умозрительных заключений, и указывает, что, как правило, именно заявитель должен обосновывать свое дело²⁵. С учетом вышеизложенных соображений и всей представленной заявителями и государством-участником информации, в том числе об общем положении в области прав человека в Беларуси, Комитет считает, что заявители не представили достаточно доказательств, позволяющих ему сделать вывод о том, что их депортация в страну происхождения подвергнет их предсказуемой, реальной и личной опасности применения пыток по смыслу статьи 3 Конвенции.

9. Соответственно, Комитет, действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции, заявляет, что возвращение заявителей в Беларусь не будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции государством-участником.

²⁵ См. сообщения № 298/2006, *С.А.Р.М. и др. против Канады*, решение от 18 мая 2007 года, пункт 8.10; № 256/2004, *М.З. против Швеции*, решение от 12 мая 2006 года, пункт 9.3; № 214/2002, *М.А.К. против Германии*, решение от 12 мая 2004 года, пункт 13.5; № 150/1999, *С.Л. против Швеции*, пункт 6.3; и № 347/2008, *Н.Б.-М. против Швейцарии*, решение от 14 ноября 2011 года, пункт 9.9.